

Пахомова Л.Ю.

Проблема управления новоприсоединенными землями в Новое время. Опыт австро-венгерского управления оккупированными областями – Боснией и Герцеговиной (1878–1908 гг.)

Одной из важнейших проблем государственного управления в Новое время является интеграция новоприсоединенных территорий, находившихся ранее в составе иной государственно-политической модели. Характерным и ярким примером сложности такой задачи и ее сравнительно успешного решения является управление в Боснии и Герцеговине в 1878–1918 гг. Специфика этой задачи заключалась в том, что Австро-Венгрия получила провинции с преобладающим мусульманским населением, сложным этноконфессиональным клубком проблем и традициями 400-летнего османского государственного управления. То есть решать надо было одновременно задачи вестернизации, модернизации, секуляризации и интеграции в государственную систему Дунайской монархии.

Модель управления была такой оригинальной и конструктивной, что явилась предметом изучения государственных аналитиков разных стран, в частности одного из разработчиков имперской политики России Александра Николаевича Харузина¹.

О нем широкому кругу читателей стало известно только во второй половине 90-х гг. XX в. В Советском Союзе знали лишь несколько его работ по этнографии и сельскому хозяйству, потому что в 1930-е гг. он был объявлен «врагом народа» и репрессирован. Вероятно, поэтому, и осталось вне поля зрения историков Боснии его командировка на Балканы.

Библиотека и архив А.Н. Харузина находились в отделе редких книг Научной библиотеки Московского университета с 1906 г., но были обнаружены только в 1995 г. сотрудниками Российской Академии наук М.М. Керимовой и О.Б. Наумовой. Они и опубликовали статью о жизни и деятельности ученого². Исследовательницы проследили нелегкий жизненный путь семьи Харузиных. Они подробно останавливаются на занятиях А.Н. Харузина этнографией, уделив его поездкам в южнославянские земли особое внимание. Большую ценность представляет полный список работ А.Н. Харузина, приведенный в конце статьи.

Современники внимательно следили за творчеством Харузина, и его труды находили отклик в рецензиях сразу же по выходу в свет. Так получилось и с сочинением «Босния-Герцеговина. Очерк оккупационной провинции Австро-Венгрии». Своими впечатлениями от книги поделились П.А. Ровинский в «Известиях Императорской Академии наук»,³ А.Н. Пыпин – в журнале «Вестник Европы»⁴.

Алексей Николаевич Харузин принадлежал к уникальной семье. Три брата – Михаил, Алексей и Николай – и их сестра Вера связали свою судьбу с этнографией и антропологией. Их отец, купец Николай Харузин, дал своим детям блестящее образование. Окончив естественно-математический факультет Московского университета, второй сын – Алексей – был отправлен на государственную службу в Эстляндию, где в Дерпте защитил магистерскую диссертацию по зоологии. Его

¹ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. М., 1901.

² Керимова М.М., Наумова О.Б. Алексей Николаевич Харузин – этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы. М., 2002.

³ Ровинский П.А. [Рец. на:] А.Н. Харузин. Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. М., 1901. СПб., 1902.

⁴ Пыпин А.Н. [Рец. на:] А.Н. Харузин. Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. М., 1901. // Вестник Европы. СПб., 1901. Т. 2.

послужной список весьма внушителен. Начиная с 1890-х гг. Алексей Харузин был чиновником особых поручений при губернаторе Эстляндии, управляющим канцелярией Виленского генерал-губернатора, губернатором Бессарабии и почетным мировым судьей Аккерманского уезда, директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, товарищем министра внутренних дел России А.А. Макарова, сенатором, имел придворное звание гофмейстера императорского двора. После революции Алексей Николаевич занимался сельскохозяйственными науками. В 1932 г. был арестован и осужден по обвинению в антисоветской агитации. В этом же году умер в Бутырском изоляторе в возрасте 68 лет. Реабилитирован в 1989 г.

Алексей Харузин со студенческих лет ездил в экспедиции в разные уголки страны от Русского географического общества и Общества любителей естествознания. Он изучал историю, этнологию народов Средней Азии и Прибалтики⁵.

В конце 1890-х гг. в творчестве А.Н. Харузина возникает славянская тема. В декабре 1899 г. действительный член Императорского Русского Географического общества Алексей Николаевич Харузин подал заявление, прося «нравственной и материальной поддержки» для поездки в Далмацию, Боснию, Герцеговину и Черногорию. Ученый приводит мотивацию необходимости такой командировки. Главным основанием он считает то, что в русской науке, в отличие от европейской, после работ А.Ф. Гильфердинга не появлялось фундаментального исследования о Боснии и Герцеговине. И с такой аргументацией можно согласиться. Кроме того, А.Н. Харузин доказывал научную и политическую актуальность изучения оккупированной провинции тем, что такое исследование может прояснить ситуацию в самой России: «судьба балканских славян, стоящих на рубеже двух культурных миров: «западного» и «восточного», не лишена аналогии с судьбою нашего отечества»⁶. Русское Географическое общество дало добро, поездка состоялась в 1900 г., и уже в 1901 г. работа Харузина «Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии» вышла в свет.

Кроме того, Алексей Харузин два года подряд посещал Словению, в первый раз – со своей сестрой Верой Николаевной. Итогом этих поездок стали аналитические статьи в разных журналах.

Что касается труда по истории и современности Боснии-Герцеговины, он написан в форме путевых записок. Книга состоит из глав, которые соответствуют пунктам маршрута Харузина. Видимо, путешественник хорошо продумал план поездки, чтобы к ее концу иметь наиболее полное представление об оккупированной Боснии-Герцеговине. Этнограф дает советы читателям какие посетить города, достопримечательности, куда выезжать на экскурсии.

Кроме глав, выделенных самим автором, сочинение Харузина можно условно разделить на две части: история и современная ситуация. Но в то же время, как отметил в своей рецензии П.А. Ровинский, «к описанию какой-нибудь местности и факта из современной жизни автор приурочивает историю и, наоборот, от исторического факта переходит к современности»⁷. И исторические, и современные сюжеты Алексей Николаевич Харузин дополняет собственными мыслями.

Необходимо указать, что автор в книге практически отсутствует. Он даже не пишет о самой поездке, ее видно лишь в плане, по которому составлено сочинение.

⁵ Керимова М.М., Наумова О.Б. Алексей Николаевич Харузин – этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы. М., 2002.

⁶ Приложение IX. В Совет Императорского Русского Географического общества // Известия Императорского Русского Географического Общества. Т. 35. Вып. 7. С. 760.

⁷ Ровинский П.А. [Рец. на:] А.Н. Харузин. Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. М., 1901. СПб., 1902. С. 3.

Харузин основывается на своих собственных наблюдениях во время командировки. Также он узнавал о ситуации из рассказов самих жителей Боснии-Герцеговины. Многие автор знал из работ австро-венгерских исследователей. Библиографию по каждому вопросу и региону Харузин приводит в конце глав.

Исследователь в своем труде пишет об истории провинции с древнейших времен, начиная с римского периода. Подробнее он останавливается на политической истории Боснии и Герцеговины с X в., когда появляются первые сведения у Константина Багрянородного. А.Н. Харузин написал очерк прошлого региона с такой точки зрения, которая предполагает опровержение доказательств венгров и хорватов исторического права на Боснию-Герцеговину.

Наиболее ценны свидетельства Харузина о ситуации в оккупированной провинции. К этому времени стали проявляться результаты реформ австро-венгерского правительства. Автор уделяет мало внимания топографии, ландшафту, но при этом он описывает, в каком состоянии находились тогда города и поселения провинции, архитектурные и художественные памятники.

Харузина очень интересует религиозный и национальный факторы в жизни региона. Он доказывает идентичность национальности православных боснийцев и герцеговинцев с остальными сербами Балканского полуострова. Видно, что Харузин интересовался этнографическим и антропологическим материалом, создавал психологический портрет жителей, без различия вероисповеданий.

Представляется возможным, что Алексей Харузин поставил перед собой задачу доказать бесполезность оккупации Боснии-Герцеговины, показывая, что все изменения не влияют на жизнь большинства населения провинции.

Вопреки первоначальным замыслам Алексея Харузина сочинение получилось тенденциозным, поэтому к этой работе также нужно относиться критически.

Инкорпорация Боснии и Герцеговины в Австро-Венгрию. 29 июля 1878 г. вооруженные силы Австро-Венгрии приступили к оккупации Боснии и Герцеговины согласно мандату, выданному великими державами на Берлинском конгрессе. Уже в начале 1878 г., как сообщало российское министерство иностранных дел, жителям Боснии и Герцеговины было известно о возможной оккупации их вилайета⁸. Местное население готовилось к вооруженной борьбе с австро-венгерскими войсками. Оснащенной современным оружием армии из 268 тысяч человек понадобилось четыре месяца, чтобы сломить сопротивление православных, мусульман и некоторой части католиков⁹. П.А. Ровинский, который проезжал осенью 1879 г. по Боснии, в своих путевых заметках писал, что там мусульмане понимали, что австро-венгерское владычество принесет всем только негативные последствия, тогда как «при турках хоть кому-нибудь было жить хорошо»¹⁰.

Алексей Харузин отмечал в своей работе, что первый год оккупации Австро-Венгрия проводила такое же военное управление, как и в свое время Россия – в Средней Азии¹¹. При такой системе сохранялся прежний административный аппарат, который подчинялся назначенному из центра генералу. В случае с Боснией и Герцеговиной на своих местах остались мусульманские чиновники. То, что эта провинция оставалась частью Османской империи, дополнительно подтверждалось двусторонним договором между австро-венгерским правительством и Блистательной Портой – Енипазарской конвенцией, подписанной в апреле 1879 г. По этому документу

⁸ Отчет МИД за 1878 г. по Герцеговине // Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878-1903). Нови Сад, 1996. С. 167.

⁹ Donia R.J., Fine J.V.A. Bosnia and Herzegovina. A Tradition Betrayed. NY., 1994. P. 70.

¹⁰ Ровинский П.А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г... С. 23.

¹¹ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб., 1901. С. 97.

Турция соглашалась на временную оккупацию Боснийского вилайета. Кроме того, особо оговаривались права султана как халифа – верховного главы мусульман-суннитов и права самих магометан и исламской религии: военные и гражданские власти согласно второй статье Апрельской конвенции должны были «с величайшей заботливостью следить за тем, чтобы каким-либо образом не был нанесен ущерб чести, достоинству, обычаям мусульман, равно как их религиозной свободе, свободе личности и личной собственности»¹².

Когда край был более или менее умиротворен, Вена ввела гражданское управление, которое существовало параллельно с военным (General Commando) и было названо правительством (Kaiserlich-königliche Landesregierung)¹³. Одновременно была проведена перепись населения, которая показала, что общее количество жителей провинции составляло 1 млн. 140 тыс., из которых 486 тыс. были православные (42%), 442 тыс. – мусульмане (39%), 209 тыс. – католики (17,5%), 3 тыс. – евреи (2,5%)¹⁴. То, что число мусульман меньше, чем православных, является результатом массовой эмиграции последователей ислама. Для учета населения была введена строгая паспортная система¹⁵.

Австро-венгерское правительство оставило турецкое административное деление: было 6 санджаков (Bezirk), которые делились на 49 каз (Kreis), во главе которых стояли каймакамы. Из 49 каймакамов только 13 были из местных мусульман, остальные – представителями народов многонациональной Австро-Венгрии¹⁶. Осенью 1878 г. указом императора Франца-Иосифа была создана комиссия по управлению Боснией-Герцеговиной при правительстве Австро-Венгрии. Но так как комиссия оказалась неэффективной, ее прикрепили к министерству финансов, тем самым вводилась гражданская администрация, которая существовала параллельно с военной. Но и такая система не дала результатов, поскольку не было четкого подчинения. Тогда при общеимперском министерстве финансов 8 июня 1880 г. основали специальное «Бюро по делам Боснии и Герцеговины» включавшее семь департаментов: политический, финансовый, юридический, архивный, личный, лесного хозяйства и полезных ископаемых. Можно согласиться с мнением П. Шугара, что отсутствие в аграрной стране органа по урегулированию земельных отношений и наличие последнего отдела свидетельствовали о приоритетности развития сырьевых отраслей¹⁷. Принципиальные вопросы управления вновь присоединенными территориями решались на заседаниях общих министров с непременным участием глав обоих правительств Дуалистической монархии.

В 1879 г. Босния-Герцеговина была включена в таможенную систему Австро-Венгрии¹⁸. Однако эта мера не привела к положительным результатам для населения: резко повысились ввозные пошлины, особенно болезненным для жителей было то, что многократно подскочили цены на колониальные продукты – рис, кофе, сахар. Изучив донесения русского консула в Сараеве, Е.К. Вяземская пришла к выводу, что боснийцы стали платить подати в 20 раз больше, чем в османское время, хотя налоговая система

¹² Hauptmann F. Die österreichisch-ungarische Herrschaft in Bosnien und der Hercegowina 1878–1918. Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsentwicklung. Gray, 1983. S. 700.

Цит. по: Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2004. С. 336.

¹³ Там же. С. 323.

¹⁴ Вяземская Е.К. Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании югославянских наций. М., 1999. С. 122.

¹⁵ Отчет МИД за 1879 г. по Герцеговине // Годишњи извештаji... С. 171.

¹⁶ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века... С. 324.

¹⁷ Sugar P.F. Industrialization of Bosnia-Hercegovina, 1878–1918. Seattle, 1963. P. 27.

¹⁸ Ibid. P. 45.

не была кардинально изменена. Так, оккупанты заменили натуральную десятину денежной, увеличился гербовый сбор, и возросла сумма городского налога¹⁹. Судебная власть при военном управлении принадлежала начальникам отрядов, которые чинили суд по турецким законам. Когда появилась гражданская администрация, были восстановлены суды санджаков и каз, пользовавшиеся османскими законодательными актами. Однако в 1878 г. правительство обнародовало новый уголовный кодекс и учредило апелляционный суд в Сараеве²⁰. Были разоружены все жители провинции, и организованы отряды пандуров²¹.

Первые пять лет оккупации Босния-Герцеговина продолжала жить своей беспокойной жизнью. На основе анализов документов Архива внешней политики Российской империи, Е.К. Вяземская отмечает, что работавший в Сараеве русский консул Ладыжинский в своих донесениях Н.К. Гирсу подробно, с некоторой долей удивления, рассказывал о хозяйничанье в стране многочисленных банд, укрывавшихся в горах и лесах Боснии-Герцеговины, с которыми оккупационная армия, размещенная в гарнизонах, явно не справлялась; в порядке вещей, как и в османские времена, были грабежи, убийства и другие преступные действия²².

Можно согласиться с А.Н. Харузиным, который считал, что именно управление «на основаниях, примененных в свое время (...) в нашей Средней Азии», которое сохраняло множество прежних порядков администрации, привело к восстанию 1882 г.²³ По мнению Е.К. Вяземской, «вообще нельзя сказать, чтобы имперская власть была одержима страстью круто и поскорее навязать стране европейские порядки и европейскую систему правления, ломать и крушить все, что напоминало «проклятое» османское прошлое»²⁴. Видимо, такая политика объясняется тем, что Австро-Венгрия стремилась постепенно вводить изменения и давать привыкнуть к новой власти. Но после восстания оккупированная провинция была полностью передана в управление общеимперского министерства финансов, таким образом, администрация стала полностью гражданской.

Однако население не было довольно преобразованиями в крае. Поводом к восстанию стало введение Веней всеобщей воинской обязанности. Учитывая, что Порты в 1868 г. издала фирман об освобождении православных от воинской службы, а мусульмане должны были служить только султану, можно прийти к выводу, что австро-венгерские власти нарушили свои обязательства по отношению к местному населению. Однако информацию о восстании они тщательно скрывали от иностранных держав. Вене удалось локализовать мятеж и избежать международного вмешательства²⁵.

Причиной мятежа, который начался в Герцеговине, боснийский историк Хамдия Капиджич считал аграрный вопрос²⁶. Граф Андраши на Берлинском конгрессе обещал в первую очередь решить эту проблему; он утверждал, что Порты не способна самостоятельно разобраться с земельными отношениями, и именно поэтому Австро-Венгрия вводит свое управление в Боснии и Герцеговине – провинции Османской

¹⁹ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века... С. 328.

²⁰ Отчет МИД за 1879 г. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји... С. 171.

²¹ Отчет МИД за 1878 г. по Герцеговине // Годишњи извештаји... С. 168.

Отчет МИД за 1879 г. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји... С. 170, 173.

²² Вяземская Е.К. Указ. Соч. С. 323–324.

²³ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С. 97.

²⁴ Вяземская Е.К. Указ. Соч. С. 324.

²⁵ Отчет МИД за 1881 г. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји... С. 178.

²⁶ Kapidžić H. Hercegovacki ustanak 1882. godine. Sarajevo, 1958. S. 330.

империи²⁷. Также убедительной кажется версия американского историка Питера Шугара, согласно которой причиной перехода к гражданской администрации было финансовая: армия в 1879 г. потратила 15 млн. флоринов, тогда как первый гражданский бюджет в 1880 г. составлял всего 6 млн., реально было потрачено 6,5 млн. флоринов. Кроме того, дворцовые круги желали рассматривать оккупацию как инкорпорацию новой провинции в Империю, так как ни одна из частей Монархии не находилась под военным управлением. В действительности, с конституционной точки зрения легче было проводить военное управление, так как армия была общеимперским институтом²⁸.

В своей монографии, посвященной восстанию 1882 г., Капиджич обнаружил в нем русский след. Официальный Петербург не имел отношения к этим событиям. Но славянские комитеты активно помогали повстанцам, особенно через Болгарию, откуда приезжали добровольцы и привозили оружие. Милорад Экмечич отмечает негативные последствия веры боснийцев и герцеговинцев в славянофилов в связи с восстанием в 1882 г.²⁹

Одним из глубоких последствий восстания оказалось обострение отношений между Веной и Будапештом³⁰. В конечном итоге в оккупационной провинции было введено полностью гражданское управление. Тогда главой общеимперского министерства финансов стал Беньямин Каллай. Этот человек сыграл настолько важную роль в судьбе Боснии и Герцеговины, что следует о нем рассказать подробнее.

Беньямин Каллай (1839–1903) был родом из Венгрии. Он был специалистом по балканской истории. Каллай известен как автор работ «Россия на востоке», «История сербского народа», «История сербского восстания. 1807–1810 гг.»³¹. Когда в 1868 г. было заключено хорватско-венгерское соглашение, Андраши начал искать на место генерального консула в Белграде человека венгерского происхождения. Тогда выбор главы правительства земель короны Св. Стефана пал на молодого Каллая. Он в свои 28 лет был назначен представителем Дуалистической монархии в Сербии, в качестве которого работал в 1868–1875 гг. Во время своей консульской деятельности Каллай очень пристально занимался боснийским вопросом. В 1872 г. он посвятил путешествию по Боснии и Герцеговине один месяц – с 13 июля по 13 августа³². Дневник, освещающий этот период его работы в балканском регионе, опубликован венгерским историком Лайошем Талоци в приложении к книге Б. Каллая «История сербского восстания. 1807–1810 гг.» в Будапеште в 1909 г.³³ Как было сказано выше, консул участвовал в строительстве австро-венгерскими компаниями железной дороги на Балканах, в том числе в Боснии и Герцеговине. Кроме того, «помогал» в разработке решения боснийского вопроса в пользу Сербского княжества. После 8 лет работы в консульстве, Каллай работал в системе министерства иностранных дел. С 1882 г. он занял должность общеимперского министра финансов. Соответственно, Каллай стал во главе управления оккупированной провинцией. Беньямина Каллая называли «некоронованным королем» Боснии-Герцеговины. Он уже в 1868 г. был уверен, что эти

²⁷ Витте Е. де. Босния и Герцеговина. Берлинский договор. Культурная миссия Австрии на Балканах. Мюрцштегское соглашение. Кременец, 1908. С. 2.

²⁸ Sugar P.F. Industrialization... P. 25.

²⁹ Екмечић М. Стварање Југославије. Т.2. Београд, 1989. С. 331.

³⁰ Kapidžić H. Ibid. S. 332.

³¹ Работ Б. Каллая в русском переводе нет. На сербском языке: Калај Б. Историја српског народа. Београд, 1882.

Калај Б. Русија на Истоку. Нови Сад, 1885.

³² Калај Б. Дневник Бењамина Калаја. Београд-Нови Сад, 1976. С. 483.

³³ См. комментарий №349 // Калај Б. Дневник Бењамина Калаја. Београд-Нови Сад, 1976. С. 775.

территории войдут в Австро-Венгрию³⁴. Время с 1882–1903 гг. в ее истории исследователи определяют как «эру Каллая»³⁵.

Свою деятельность в качестве общеимперского министра финансов он начал с умиротворения восставшей провинции. Е.К. Вяземская считает, что «уроки восстания убедили министра в том, что хозяйственные вопросы, и прежде всего улучшение бедственного положения масс, и являются тем звеном в цепи, при помощи которого можно и должно вытащить страну из трясины, в которой она оказалась по причине господства вековой отсталости»³⁶.

На «эру Каллая» приходится самое динамичное развитие Боснии и Герцеговины. Он как человек очень амбициозный старался добиться блестящих результатов за короткий срок³⁷.

Хотя кое-какие шаги были сделаны и в период с 1878–1882 гг., например, начало строительства широкой железнодорожной сети и становление горнорудной промышленности, вовлечение провинции в единую таможенную территорию, все же, по мнению П. Шугара, процесс индустриализации в Боснии и Герцеговине начался именно тогда, когда общеимперское министерство финансов возглавлял Б. Каллай³⁸. Но, как считает Роберт Дониа, Каллай не был «радикальным новатором, разрушившим все планы своих предшественников, по сути, его решения лишь укрепили или воплотили в жизнь политику, которую наметили предыдущие министры»³⁹.

Беньямин Каллай был уверен, что провинция должна содержать себя сама, так как добиться от обеих частей Дуалистической монархии средств на инвестирование развития оккупационных территорий представляло определенные сложности⁴⁰. Однако, используя соперничество Австрии и Венгрии, министру удавалось получать кредиты у венских и будапештских банков⁴¹. В целом, Босния-Герцеговина должна была содержаться за счет собственных средств. Как свидетельствуют данные бюджета на 1899 г., правительство правильно распределило расходы и доходы, что оставался незначительный дефицит⁴². На имперские средства содержался лишь оккупационный корпус, большая часть которого находилась в Сараеве⁴³.

В оккупированной провинции в первую очередь была поставлена задача развития транспортной сети. До австро-венгерского занятия по Боснийскому вилайету было проложено всего 194 км железнодорожных путей, кстати, на деньги австрийского концессионера. К 1914 г. было возведено 1391 км⁴⁴.

Алексей Харузин с восхищением писал об организации транспорта, называя шоссейные дороги «произведением инженерной техники»: «дороги, прекрасно шоссированные, с большим искусством проведены по горным местностям, через реки смело переброшены мосты, в скалах пробиты туннели. Содержатся дороги идеально»⁴⁵.

³⁴ Раденић А. Предговор // Калај Б. Дневник Бењамина Калаја. Београд-Нови Сад, 1976. С. XV.

³⁵ Donia R.J. Islam under the Double Eagle: the Muslims of Bosnia and Hercegovina, 1878-1914. NY., 1981. P.12; Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века... С. 332.

³⁶ Вяземская Е.К. Указ. Соч. С. 333.

³⁷ Sugar P.F. Industrialization... P. 57.

³⁸ Ibid. P. 37.

³⁹ Donia R.J. Islam under the Double Eagle... P. 11.

⁴⁰ Sugar P.F. Ibid. P. 58.

⁴¹ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века... С. 333.

⁴² Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С. 223–224.

⁴³ Там же. С.98.

⁴⁴ Вяземская Е.К. Указ. Соч. С. 334.

⁴⁵ Харузин А.Н. Указ. Соч. С. 54–55.

План Каллая предусматривал активное освоение полезных ископаемых, которыми была богата Босния-Герцеговина. По данным Е.К. Вяземской, за время австро-венгерского управления в стране было основано 138 промышленных предприятий, на которых работали почти 52 тыс. человек⁴⁶. Причем Каллай придерживался точки зрения, что все промышленные предприятия должны находиться под государственным контролем⁴⁷.

Впечатляющие успехи были достигнуты в развитии городов и их благоустройстве, улучшении санитарно-гигиенических условий. Водопровод получили 26 городов Боснии-Герцеговины; в Сараеве трамвай появился на четыре года раньше, чем в имперской столице Вене⁴⁸.

Уровень сельскохозяйственного развития также возрастал, хотя аграрный вопрос не был до конца решен. К концу эпохи правления Бенямина Каллая был учрежден специальный фонд для предоставления ссуд крестьянам, были устроены 4 сельскохозяйственные, 3 фруктово-виноградные станции, 16 образцовых крестьянских хозяйств. Кроме того, было организовано ветеринарное дело, были основаны конюшни для улучшения породы лошадей⁴⁹. Также боснийским правительством привлекались колонисты из Германии и самой Австро-Венгрии⁵⁰. Местным правительством ежегодно расходовалась весьма крупная сумма на сельскохозяйственный сектор, хотя казне это не приносило доходов, а, напротив, было только в убыток⁵¹.

В культурном плане также были заметны важные изменения. Началось активное изучение края, к которому привлекались специалисты разных отраслей науки. Были основаны Земельный институт и Земельный музей в Сараеве. Сараево стал настоящим культурным центром всей провинции, где развивались наука, музыка, издательская деятельность, изобразительное искусство и др.⁵² В культурном развитии просматривается политический интерес. Власти последовательно осуществляли, как сообщало министерство иностранных дел России, «строго определенную программу в смысле сближения босняков с Австриею и западом вообще»⁵³.

Для того, чтобы лучше инкорпорировать присоединенную провинцию, правительством постепенно проводилась политика равенства всех вероисповеданий и последовательная секуляризация. Светская власть в первую очередь установила контроль над католической церковью. В 1880 г. австрийские дипломаты начали переговоры со Святым престолом. Их целью было добиться назначения императором боснийских епископов, как и православных митрополитов Карловацкой патриархии. Также Вена хотела, чтобы иезуитский орден действовал наравне с францисканским. Результатом переговоров стала папская булла 1881 г., которая удовлетворяла практически все желания австро-венгерских властей: император получил право назначать кандидатов на епископские места, была основана иезуитская семинария⁵⁴.

Сохранив на первых порах многие институты турецкого управления и предоставив большую свободу мусульманскому духовенству, глава которого

⁴⁶ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века... С.334.

⁴⁷ Lampe J., Jackson M. Balkan Economic History, 1550-1950. From Imperial Borderlands to Developing Nations. Bloomington, 1982. P.309.

⁴⁸ Вяземская Е.К. Указ. Соч. С.334.

⁴⁹ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С.217-218.

⁵⁰ Отчет МИД за 1883 и 1884 гг. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји... С.184.

⁵¹ Харузин А.Н. Указ. Соч. С.218.

⁵² Besarović R. Iz kulturnog života u Sarajevu pod austrougarskim upravom. Sarajevo, 1974.

⁵³ Отчет МИД за 1890 г. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји... С.192.

⁵⁴ Donia R.J. Islam under the Double Eagle... P.19.

назначался шейх-уль-исламом Османской империи, постепенно австрийская политика сводила на нет религиозные права мусульман. В 1882 г. оккупационным правительством была введена должность реис-уль-улема, главы мусульманского духовенства. Первым реис-уль-улемом императорским дипломом был назначен Мустафа Омерович, известный в Боснии-Герцеговине ученый⁵⁵.

Сложнее дело обстояло с православной церковью. Самым простым решением казалось присоединение к Карловацкому патриархату. Этому решительно воспротивились Петербург и Белград, отдавая предпочтение далекому Константинополю. После длительных переговоров и согласований в марте 1880 г. между Дуалистической империей и Константинопольским патриархатом, был заключен конкордат, подтвердивший старый иерархический порядок, гарантировавший достаточно широкую автономию боснийской православной церкви. Тем не менее император получил права назначения митрополитов, последнему правительством стала выплачиваться заработная плата⁵⁶. Немногие представители духовенства открыто протестовали против вмешательства светской власти в церковные дела. Один из них – тузлянский митрополит Дионисий был за свои протесты уволен от должности императорским указом⁵⁷. Борьба против секуляризации церковной жизни вызывала ответную реакцию властей, запрещавших, например, верующим ехать на богомолье в православные монастыри Сербии и Черногории.

Поскольку школы в Боснии и Герцеговине в османское время напрямую были связаны с церковью, Вена не могла не секуляризировать образование. Сокращалось число конфессиональных школ, особенно католических, потому что детей католического вероисповедания отдавали в интерконфессиональные школы, открытые оккупационным правительством на бюджетные средства. Можно присоединиться к точке зрения А.Н. Харузина, который считал, что в отношении учебных заведений «программа оккупационного правительства *теоретически* (курсив в тексте А. Харузина – Л.П.) совершенно правильна», так как улучшается качество образования, тогда как «в османское время конфессиональные школы терпимы были, потому что не превышали самого ординарно-элементарного уровня»⁵⁸.

Вместо того, чтобы отправлять своих детей в правительственные школы и тем самым составлять большинство в них, православное население предпочитало содержать и интерконфессиональные, и свои. У мусульман и католиков остались в основном только начальные школы. Статистика образовательных учреждений на 1899 г., которую привел Харузин, была следующей:

мусульманские: 1 высшее шариатское училище
40 средних училищ
1005 начальных школ
православные: 1 богословская семинария
1 женское училище
70 основных школ
католические: 1 богословская иезуитская семинария
1 иезуитская гимназия
29 основных школ
правительственные: 192 основных училища

⁵⁵ Отчет МИД за 1883 и 1884 гг. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји... С. 181–182.

⁵⁶ Вяземская Е.К. Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины... С. 127; Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С.283.

⁵⁷ Отчет МИД за 1891 г. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји... С. 196.

⁵⁸ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С. 296.

18 средних учебных заведения, в том числе: 2 и 3, соответственно, мужские и женские гимназии, 9 коммерческих училищ, 1 реальное, 1 техническое, 1 ремесленное училища, 1 учительская семинария⁵⁹.

У мусульман и православных возникло движение за церковно-школьную автономию, которая была направлена на то, чтобы сохранить самобытность. В связи с этим затрагивается вопрос о реакции местного населения на политику, проводимую Австро-Венгрией в оккупированной провинции.

Иностранное присутствие было тягостно особенно для мусульман. Ислам располагал к неспешному ходу событий, без суеты, что отмечали и Гильфердинг, и Ровинский, и Харузин, каждый из которых оставил свои путевые заметки о Боснии и Герцеговине в разные периоды истории этого края Балканского полуострова. Безмятежность и спокойно-медлительный уклад жизни были свойственны и остальной части населения Боснии и Герцеговины в силу того, что христиане жили бок о бок с носителями исламской культуры. И католики, и православные переняли многие черты у мусульман. Для путевых записок характерно описание боснийцев с обязательным употреблением определений «ленивый» и «неспешный», причем без различия веры. По мнению П.А. Ровинского, турецкое господство «низвело поселянина на степень раба, ленивого, убитого духом, без энергии и инициативы»⁶⁰. Про мусульманина русский путешественник писал, что на работе магометанин-торговец, «просидев в своей лавке целый день, с невозмутимым спокойствием принимал посещающего его покупателя и провожал глазами проходящих мимо; он не предавался никакой тревожной работе»⁶¹, а отдыхает он, «предаваясь тайному забвению остального мира с его суетой, грязью и гнилой атмосферой»⁶². Такую же картину наблюдал и Алексей Харузин после двадцатипятилетнего австро-венгерского управления: так же лениво беседовали боснийцы с трубкой, за кофе и за сливовицей⁶³.

По сути, население Боснии и Герцеговины стремилось сохранять уже существующие устои. Видимо, склонность к неприятию нового порядка вещей, определенный консерватизм стал частью боснийского менталитета. А.Н. Харузин эту черту назвал «национальной стойкостью», которая «до того характерна для Боснии-Герцеговины в течение всей ее жизни, что ее нельзя не отметить». При этом эта стойкость нисколько не исключала эволюции: «страна изменялась, приобретала в известном смысле новую физиономию, но усвоив себе раз, хотя бы и с трудом, что-либо, страна на этом стояла, готовая жертвовать даже жизнью»⁶⁴. В случае с реформами танзимата, консерватизм привел, как считал, Харузин к гибели всей страны, не пожелавшей принять изменения в Османской империи⁶⁵.

В консервативный мир боснийцев и герцеговинцев вторглись энергичные и активные чиновники Австро-Венгрии. Она способствовала ускорению внедрения капиталистических отношений и благ европейской цивилизации в своей оккупационной провинции. В начале XX в., по наблюдениям Алексея Харузина, сельские жители избегали нововведений, даже что касается дорог. То, что вся «страна живет и движется на старый лад», он объяснял несоответствием уровней, в сущности, азиатского региона и европейской империи. Этнограф отметил, что «культурное состояние Боснии-Герцеговины и по сие время таково, что местное население (...) не нуждается в шоссированных дорогах, настоящая эксплуатация их – дело будущего (...)

⁵⁹ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С. 298–299.

⁶⁰ Ровинский П.А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г... С. 26.

⁶¹ Там же. С. 28.

⁶² Там же. С. 30.

⁶³ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С. 14–15.

⁶⁴ Там же. С. 195.

⁶⁵ Там же. С. 195.

Население соответственно своему культурному уровню, предпочитает горные тропы»⁶⁶. Точно так же боснийцам и герцеговинцам не нужны были гостиницы и курорты⁶⁷. Однако, думается, что 25 лет было мало для того, чтобы вывести народ, который испытывал многовековое исламское влияние, из традиционализма. Провинция продолжала оставаться аграрной, где доля жителей, чей доход зависел от земли, составляла большинство. Кроме того, политика индустриального развития, которую проводили общеимперское министерство финансов и оккупационное правительство, была деструктивной для местного ремесленного производства. Незатейливые, более дешевые товары заводов и фабрик Австрии, Венгрии, Чехии вытесняли с рынка высокохудожественные изделия из кожи, меди, железа, дерева – ножи, кинжалы, сабли, обувь и т.д. – которыми славились боснийские мастера. Массовое производство действовало разрушающе для индивидуального мастерства⁶⁸.

Православные и мусульмане стремились сохранить свою самобытность, противостоять сильному европейскому культурному влиянию. Более-менее эффективным средством протеста против проникновения в жизнь боснийско-герцеговинского населения черт западной цивилизации было движение за религиозно-школьную автономию. Эта проблема связана с вопросом о будущем Боснии и Герцеговины. Думается, что здесь можно выделить шесть вариантов развития края: мусульманская автономия в Османской империи либо развитие боснийской нации в Австро-Венгрии, часть Цислейтании или Транслейтании, часть Триединого королевства в составе Хорватии или присоединение к Сербии и Черногории.

Выступая за религиозно-школьную автономию, мусульмане выражали идею своей политической автономии. Они оказались в сложной ситуации. Такой сильной поддержки, какую получали православные из Сербии или католики – из Хорватии, они не могли получать из Турции. Во-первых, надо думать, Порты в 1878 г. в принципе отказалась от своего самого западного вилайета, во-вторых, стамбульские власти решали другие проблемы, третьей наиболее важной причиной можно считать то, что Босния-Герцеговина в географическом отношении была удалена от центра Османской империи.

Движение за религиозно-школьную автономию оформилось в 1899 г. после создания «Мусульманской народной организации». Это движение возглавили землевладельцы и духовенство. Оно не находило поддержки у зарождавшейся мусульманской интеллигенции, представители которой получали образование в европейских центрах. Вернувшись на родину, они пропагандировали европейскую культуру и критиковали старую, османскую религиозно-школьную систему⁶⁹. Именно они составляли те 11% чиновников в Боснии и Герцеговине мусульманского происхождения.

Недовольство и движение за церковно-школьную автономию православного населения стремились использовать соседние сербы, которые не отказались от борьбы за обладание Боснией и Герцеговиной. В то время как официальный Белград, по определению А.Л. Шемякина, честно выполнял обязательства по Тайной конвенции, черногорцы переправляли своих добровольцев через Сербию для участия в

⁶⁶ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С. 55.

⁶⁷ Там же. С. 103.

⁶⁸ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века... С. 334–335.

⁶⁹ Вяземская Е.К. Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины... С. 128–129.

антиавстрийском восстании 1882 г.⁷⁰ Однако, думается, и сербы должны были вести активную пропаганду на территории австро-венгерской оккупированной провинции. Представляется, что этот процесс был связан с обучением детей православного вероисповедания в Сербии, Черногории и даже России. О том, что дети учатся в православных странах, родители с гордостью рассказывали А.Н. Харузину⁷¹. Известно, что лидер радикальной партии Н. Пашич начал проработку «вопроса о сербских национальных перспективах в широком югославянском контексте»⁷². Здесь сербы не могли обойтись без боснийско-герцеговинского вопроса, где было очевидно противостояние с хорватской национальной идеологией.

В целом, «промоутеры национализма», как назвали пропагандистов сербского и хорватского национальных идей Р. Дониа и Д. Файн, действовали разрушающе на то единство боснийцев и герцеговинцев, которое они сохранили со средних веков, заявляя католикам Боснии и Герцеговины, что они хорваты, а православным – что они сербы⁷³.

Поскольку число мусульман было относительно меньше, а их движение слабее, сербский и хорватский национализмы стремились использовать мусульманское население в качестве объекта для своей пропаганды. Хотя, как предполагается в новейшем исследовании Е.К. Вяземской, министр Каллай «искренно и честно стремился к сотрудничеству с мусульманами»⁷⁴, правительство в деле инкорпорации оккупированной провинции не могло не опираться на хорватов, у которых с жителями Боснии-Герцеговины были схожий язык, одно происхождение, а с католиками и одна религия. Используя эти обстоятельства, хорваты стремились включить этот регион в свои земли для осуществления идеи триализма и создания Триединого королевства. Они активно работали в этом направлении. Однако к началу XX века подданным австро-венгерского императора пока не удалось убедить католиков, что они с хорватами один народ. Это доказывается тем, что Алексей Харузин в своем труде писал: «Католик не называет себя хорватом. Он просто «католик». Ему, незнакомому с понятием о национальности, принять ту или другую легко, легче всего хорватскую, соседнюю, говорящую на одном с ним языке и исповедующую одну с ним веру»⁷⁵. Кроме привлечения католиков, хорваты стремились доказать хорватский национальный характер населения Боснии и Герцеговины и развивали теорию о сербах как о некоренном населении этих территорий⁷⁶. Хорватам пришла на помощь вся система оккупационного управления. Из 70848 иностранцев в Боснии-Герцеговине в 1895 г., прибывших чтобы работать в школах, в административном аппарате, промышленных и сельскохозяйственных предприятиях и др., из Хорватии приехало 32754 человека⁷⁷.

Министр Каллай попытался создать альтернативу разделению – хорваты, сербы и мусульмане – идею единой боснийской нации. Он обращался к традициям средневековой боснийской государственности, ратовал за создание единой боснийской идеологии и провозглашение боснийского языка, что должно было ускорить

⁷⁰ Шемякин А.Л. Сербская национальная идея в 1878–1903 гг. Время разочарования и осмысления // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII-начало XX вв. М., 1997. С. 141.

⁷¹ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С. 301.

⁷² Шемякин А.Л. Указ. Соч. С. 169.

⁷³ Donia R.J., Fine J.V.A. Bosnia and Hercegovina. A Tradition Betrayed. NY., 1994. P. 73.

⁷⁴ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века... С. 342.

⁷⁵ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С. 34-35.

⁷⁶ Вяземская Е.К. Пороховой погреб на Балканах – Босния и Герцеговина. 1878–1918 гг. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII-начало XX вв. М., 1997. С. 292–293.

⁷⁷ Харузин А.Н. Указ. Соч. С.98.

инкорпорацию всей провинции в Империю. Думается, что идея «бошняштва» не была лишена основы, так как, в доосманский период, действительно, существовало боснийское государство, а с завоеванием Боснии и Герцеговины турками-османами, сохранилась национальная элита, которая приняла ислам. Известно, что Боснийский вилайет практически имел свою автономию, вплоть до 1850-х гг., до похода Омера-паши Латаса. Также этнографические зарисовки даже начала XX века доказывают определенные общие особенные черты жизни всего населения оккупированной провинции. Так, например, русский путешественник Алексей Харузин заметил, что несмотря на то, что многие боснийцы-герцеговинцы стали одеваться в европейский костюм, многие по-прежнему отдавали предпочтение традиционной одежде, которая мало отличалась у представителей разных религий⁷⁸. Этот же автор дает неопровержимые доказательства того, что в Боснии и Герцеговине существовали ростки особой народности, своеобразного субэтнуса: в этом крае можно было встретить «лиц, именующих себя в разговоре с сербом соседних стран «босняками» и показывающих не без ударения, что они не «братья» сербам, а принадлежат к народности особого рода»⁷⁹. Теория боснийской нации, вероятно, имела бы успех, если бы в самой Австро-Венгрии не нашлось столько желающих видеть Боснию-Герцеговину частью своих владений.

В рамках дуалистической системы основными кандидатами на владение оккупированной провинцией становились венгры и австрийцы. В основе венгерских планов лежало историческое право. Какое-то время некоторые боснийские территории входили в состав земель венгерской короны. Гербом оккупированной провинции был принят геральдический символ области Рамы, которой владел венгерский король Хырвоя (рука со щитом), а не герб собственно боснийских королей. Тем самым Босния-Герцеговина как бы была включена в состав Венгрии, а не всей Дуалистической монархии⁸⁰. Кроме того, Харузину была известна еще одна схема, как венгры хотели включить провинцию в пределы своих территорий: венгры намеревались сначала мадьяризировать Хорватию, а затем Боснию и Герцеговину⁸¹. У австрийцев не существовало исторического права на эти территории, но они не могли согласиться на усиление венгерской части империи и, следовательно, нарушения баланса в Монархии.

Будущее оккупированной провинции активно обсуждалось австрийцами, венграми, хорватами и сербами, каждый из которых желал видеть Боснию-Герцеговину своей территорией, хотя она формально оставалась вилайетом Османской империи. Именно временный характер оккупации давал всем надежды на приобретение Боснии и Герцеговины. Хотя не исключалась возможность аннексии, уже в 1886 г. австро-венгерские подданные и жители оккупированной провинции ожидали провозглашения ее окончательного присоединения к Империи. Слухи прошли по всей Монархии в связи с приемом Францем-Иосифом боснийско-герцеговинской депутации и с его приездом в Боснию-Герцеговину; но император не посетил Сараево, и никакого заявления о будущем провинции не последовало. Но боснийско-герцеговинские представители, как сообщал российский министр иностранных дел своему императору, готовы были уже на приеме у правителя Дуалистической монархии выразить «радость и желание», «чтобы пределы империи были расширены включением в оные новых областей»⁸².

Сами жители в начале XX в. понимали, что правительство приближает «полное воссоединение страны с Австро-Венгрией» посредством уступок. Так, например, центральные власти предоставили православным выбрать для участия в выборах

⁷⁸ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С. 70.

⁷⁹ Там же. С. 35.

⁸⁰ Там же. С. 11.

⁸¹ Там же. С. 34.

⁸² Отчет МИД за 1884–1886 гг. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји... С. 189.

нового Вселенского Патриарха⁸³. Вена в 1901 г. открыто заявила о своем желании включить провинцию в состав Империи. Она согласилась удовлетворить требования мусульманского и православного населения по религиозно-автономному вопросу при условии, если они по собственному желанию попросят включить Боснию и Герцеговину в Габсбургскую монархию⁸⁴.

Русские путешественники обращались к вопросу о будущем Боснии и Герцеговины, абстрагируясь от варианта ее существования в Австро-Венгрии. Ученые и писатели делали прогнозы относительно судьбы оккупированной провинции в ракурсе сербско-хорватского соперничества. При этом они неизменно в роли хозяев Боснии-Герцеговины предпочитали сербов, хотя оговаривали, что в случае выбора между сербским и хорватским путями, решат судьбу именно мусульмане.

Уже в 1879 г., в первый год австро-венгерского управления, П.А. Ровинский в своих заметках писал: «К кому он (мусульманин – Л.П.) должен пристать, на кого ополчиться: к православным или к католикам? Вот вопрос, от решения которого зависит будущее духовное развитие Боснии, а в связи с ним и ее культурные и политические стремления»⁸⁵.

В 1901 г. Алексей Николаевич Харузин в своем «Очерке» замечал: «К кому примкнут вожаки магометан новой формации – к православной или к католической части населения – сказать с определенностью не представляется возможным. Во всяком случае, от них, то есть от магометан в значительной степени стоит в зависимости разрешение вопроса – должна ли Босния-Герцеговина остаться страной сербскою или превратиться в страну хорватскую»⁸⁶.

Думается, что Харузин совершил поездку в оккупированные территории, чтобы всесторонне проанализировать процесс инкорпорации Боснии и Герцеговины, являвшейся в своей основе частью восточной цивилизации. Тем более, что Алексей Николаевич был этнографом, изучающим народы Средней Азии, и государственным чиновником, работающим в национальных окраинах Российской империи. Он работал в Эстляндии, Виленском генерал-губернаторстве. Вероятно, как раз в начале 1900-х он занял место губернатора Бессарабии. Тогда тем более становится понятна цель его поездки. Бессарабия и Босния и Герцеговина были одновременно в 1878 г. включены в состав двух империй: соответственно, Российской империи и Дуалистической монархии. Не исключено, что Харузин должен был посмотреть и сравнить достижения своей страны во вновь присоединенных землях и австро-венгерских властей в оккупированной провинции. Кроме того, возможно, за тем, чтобы изучить еще один опыт австрийского управления, на этот раз инонациональными окраинами, проживающими издавна в государстве, А.Н. Харузин съездил в Австрийскую Крайну, которую населяли словенцы. Это путешествие можно коррелировать с его работой на западе России – в Эстляндии и Виленском генерал-губернаторстве.

Период австро-венгерской оккупации в истории Боснии и Герцеговины характеризуется углублением старых проблем и возникновением некоторых новых. Во-первых, трудности инкорпорации окраины в империю были прогнозируемы, так как даже Османской империи лишь силовыми методами удавалось удерживать фактически автономный Боснийский вилайет. Только силой Порты добилась того, чтобы Босния и Герцеговина перестали выступать с сепаратистскими лозунгами. Австро-Венгрия также силой оружия успокоила мятежный вилайет. Но, действуя энергичнее и активнее, Дуалистическая монархия создала благоприятные условия для развития инфраструктуры, промышленности, отраслей сельского хозяйства и культуры. В этой

⁸³ Отчет МИД за 1901 г. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаji... С. 223.

⁸⁴ Отчет МИД за 1891 г. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаji... С. 224.

⁸⁵ Ровинский П.А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г... С. 35.

⁸⁶ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина... С. 257.

связи возникает проблема диалога восточной и западной цивилизаций. Нововведения не всегда воспринимались местным населением, мировоззрение и уровень развития которого тормозили быстрое принятие европейских ценностей.

Включение в Австро-Венгрию такого поликонфессионального края, как Босния и Герцеговина, где не завершился процесс оформления национального самосознания, стало причиной не только соперничества частей самой империи, но и пропаганды извне – Сербского и Черногорского княжеств, давних претендентов этот регион. Австрийцы, венгры, хорваты и сербы доказывали правомерность своей кандидатуры на «хозяина» Боснии-Герцеговины. Мусульмане стремились восстановить свои привилегии, которыми они обладали в османское время и получить автономию под властью султана. И лишь общеимперский министр финансов Бенъямин Каллай, учитывая особенности всего населения Боснии и Герцеговины, несмотря на различие вероисповеданий, провозгласил идею «боснийской нации».

Австро-Венгрия, получив вожделенные территории, сразу приступила к инкорпорации вновь присоединенных земель к империи. Дуалистическая монархия создавала условия для развития инфраструктуры, промышленности, отраслей сельского хозяйства и культуры там, где не все европейские ценности воспринимались местным населением, в силу сложившегося мировоззрения и уровня развития. Кроме проблемы инкорпорации, в Боснии и Герцеговине возник вопрос диалога восточной и европейской цивилизаций. Все эти изменения, происходившие в оккупированной провинции, наблюдал А.Н. Харузин в начале XX в.

В дуалистической монархии, где и до этого существовали серьезные конституционные трудности, добавился вопрос соперничества, кто будет полноправным «хозяином» Боснии и Герцеговины: Австрия, Венгрия или Хорватия. В эту борьбу включились также давние претенденты – Сербия и Черногория. Представляется, что причиной такой активности вокруг оккупированной провинции являлся незавершенный процесс формирования национального самосознания в Боснии-Герцеговине.

Общеимперский министр финансов Бенъямин Каллай, который управлял оккупированными территориями, прекрасно зная историю традиции Боснии и Герцеговины, не только разработал методiku постепенного и полного включения провинции в империю, но и заложил основы для их будущего. Учитывая особенность единства боснийско-герцеговинского населения не на конфессиональном уровне, выделяя его как отдельный субэтнос, Каллай попытался способствовать реализации идеи «боснийской нации».

Использованные источники:

1. Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Нови Сад, 1996.
2. Приложение IX. В Совет Императорского Русского Географического общества // Известия Императорского Русского Географического Общества. Т. 35. Вып. 7.
3. *Ровинский П.А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Март.
4. *Харузин А.Н.* Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. М., 1901.

Использованная литература:

1. *Витте Е. де.* Босния и Герцеговина. Берлинский договор. Культурная миссия Австрии на Балканах. Мюрцштегское соглашение. Кременец, 1908.
2. *Вяземская Е.К.* Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2004.
3. *Вяземская Е.К.* Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании югославянских наций. М., 1999.
4. *Вяземская Е.К.* Пороховой погреб на Балканах – Босния и Герцеговина. 1878–1918 гг. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII–начало XX вв. М., 1997.
5. *Екмечић М.* Стварање Југославије. Т.2. Београд, 1989.
6. *Калај Б.* Историја српског народа. Београд, 1882.
7. *Калај Б.* Русија на Истоку. Нови Сад, 1885.
8. *Калај Б.* Дневник Беџамина Калаја. Београд-Нови Сад, 1976.
9. *Керимова М.М., Наумова О.Б.* Алексей Николаевич Харузин – этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы. М., 2002.
10. *Пытин А.Н.* [Рец. на:] А.Н. Харузин. Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. М., 1901. // Вестник Европы. СПб., 1901. Т.2.
11. *Раденић А.* Предговор // Калај Б. Дневник Беџамина Калаја. Београд-Нови Сад, 1976.
12. *Ровинский П.А.* [Рец. на:] А.Н. Харузин. Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. М., 1901. СПб., 1902.
13. *Шемякин А.Л.* Сербская национальная идея в 1878–1903 гг. Время разочарования и осмысления. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997.
14. *Besarović R.* Iz kulturnog života u Sarajevu pod austrougarskim upravom. Sarajevo, 1974.
15. *Donia R.J.* Islam under the Double Eagle: the Muslims of Bosnia and Hercegovina, 1878-1914. NY., 1981.
16. *Donia R.J., Fine J.V.A.* Bosnia and Hercegovina. A Tradition Betrayed. NY., 1994.
17. *Kapidžić H.* Hercegovacki ustanak 1882. godine. Sarajevo, 1958.
18. *Lampe J., Jackson M.* Balkan Economic History, 1550–1950. From Imperial Borderlands to Developing Nations. Bloomington, 1982.
19. *Sugar P.F.* Industrialization of Bosnia-Hercegovina, 1878–1918. Seattle, 1963.